

— Не то чтобы сияние молодости... а такое...

Он долго подбирал слова.

— Такое сияние, будто человек всё насквозь видит.

— Она говорит совсем не так, как остальные. Каждая её фраза — словно наставление. Но не сухая мудрость книжных червей, которые только и делают, что цитируют классиков и мелют чепуху. Её слова — это... настоящая истина. Словно дважды два четыре. Просто, но не возразишь.

Лу Синвань слушала.

Это была её мама.

Пятидесятилетняя Шэнь Роюй, попав в эпоху Ванли, превратилась в тридцатилетнюю госпожу Шэнь. И ничего не изменилось. Всё та же манера объяснять всё в духе дважды два четыре. Всё то же пронзительное сияние человека, заглянувшего в самую суть вещей.

— Дядюшка Цинь, — произнесла она. — Спасибо, что рассказал мне всё это.

Цинь Ху хмыкнул. Поднялся и отряхнул пыль с ягодич.

— Брось свои штучки. Я перед тобой не в долгу.

Он зашагал прочь.

Пройдя несколько шагов, он остановился, но не обернулся.

— Твоя мама... она сделала куда больше, чем ты думаешь.

В ту ночь Лу Синвань перелистывала пять тетрадей, переданных ей Цинь Ху, снова и снова.

Она не вчитывалась в содержание — с ним она уже ознакомилась. Она всматривалась в почерк.

Почерк Цинь Ху был размашистым, кривым, словно человек, который редко пишет, отчаянно пытался что-то зафиксировать. Но на полях тетрадей порой появлялся другой почерк — изящный, аккуратный, каждая черта дышала силой, проступая сквозь бумагу.

Это был почерк её мамы.

Шэнь Роюй оставляла пометки там, где Цинь Ху допустил ошибку. Здесь понимание неверное. Точка опоры рычага находится не здесь. Термометр измеряет температуру, а не количество теплоты. Теплота и температура — это две разные вещи.

Тон примечаний тоже был фирменным маминым стилем — лаконичный, точный, не оставляющий места для снисхождения.

Лу Синвань касалась пальцами этих строк.

Мамины пальцы когда-то касались этой бумаги.

Тридцать девять лет.

Прошло тридцать девять лет.

Она дошла до последней страницы пятой тетради.

Там красовалась строчка мелкого почерка — такая же, как на титульном листе, принадлежащая Шэнь Роюй.

Зима тридцатого года Ванли, записано Шэнь Роюй близ монастыря Баоэнь в префектуре Тайпин.

Тридцатый год Ванли.

1602 год.

Тридцать девять лет назад.

Монастырь Баоэнь.

Она высекла это название в своей памяти.

Затем она закрыла глаза.

Строчки на страницах медленно растворились во тьме. Но её сознание не рассеялось — оно понеслось дальше. Перелетело через тридцать девять лет времени. Пронеслось над тысячами ли гор и рек.

И очутилось в зиме тридцатого года Ванли в префектуре Тайпин.

Тридцать девять лет назад. Уезд Данту префектуры Тайпин.

Когда Шэнь Роюй очнулась, рядом с ней лежало тело покойника.

Она едва не закричала от ужаса.

Но сдержалась.

Она была женщиной, пережившей смерть мужа. В тот год, когда уходил Лу Юаньчжэн, она три месяца дежурила у его больничной койки. Она видела смерть. Она знала, какой она бывает — тихой, ледяной, необратимой.

Она заставила себя успокоиться.

Шаг первый: оценить обстановку.

Она лежала на жесткой деревянной кровати. Поверхность покрывало грубое хлопчатобумажное одеяло, тонкое, как бумага. Комната крошечная, стены оклеены старыми газетами — нет, не газетами, желтой бумагой. Деревянное окно затянуто оконной бумагой. В углу свалена глина и инструменты.

Дом горшечника.

Она опустила взгляд на себя. Одежда из грубой ткани. Не её одежда. Не её тело — её руки стали на размер меньше, суставы тоньше, но кожа грубее.

Она глубоко вздохнула.

Воспоминания прежней хозяйки хлынули в сознание подобно приливу — обрывочные, словно разбитое зеркало, в каждом осколке которого застыла картина.

Прежнюю звали госпожой Шэнь. Уроженка уезда Данту префектуры Тайпин. Её муж был горшечником по фамилии Лу — совпадение, у них была одна фамилия. Супруга довели до отчаяния поборы соляного и горнорудного налога, и три дня назад он скончался от болезни. Детей не было.

Она вдова. Вдова ремесленника. В эту эпоху это означало — самое дно общества.

Шэнь Роюй приподнялась.

Её тело стало моложе, чем прежде. Суставы не ныли, поясница не болела. Она пошевелила

пальцами — гибкие. Пошевелила ногами — сильные. Этому телу было около тридцати с небольшим.

Она подошла к куче инструментов в углу.

Гончарный круг, нож для подрезки, клещи для печи, несколько не обжженных глиняных заготовок. Инструменты мастера. Качество хорошее — лезвия острые, гончарный круг отшлифован гладко.

Она вышла за дверь.

Уезд Данту префектуры Тайпин. Обычный маленький городок.

На улице прохожих немного. Стоит холодная погода. Серое небо.

Но её внимание привлекло необычное зрелище — несколько человек в чиновничьих халатах стучались в каждый дом. Стоило им войти куда-нибудь, как оттуда доносились крики, плач, звуки бьющейся утвари.

Сбор рудного налога.

Она увидела, как старика выволокли из дома и бросили на мостовую. Рядом на колени упала внучка и зарыдала. Стражники перевернули вверх дном весь дом, забрали несколько ценных керамических изделий, а уходя, еще и пнули старика ногой.

Шэнь Роюй стояла на пороге и наблюдала за происходящим.

Она не бросилась на них.

Не потому, что не хотела. Просто знала: в эту эпоху у бросившегося вперед будет лишь один исход — избить их вместе.

Ей нужно время.

Она повернулась и вернулась в дом.

Стала шарить по комнатам в поисках полезных вещей. Глина, инструменты, пара смен старой одежды, небольшой мешок риса. И шкаф, в самом дальнем углу которого обнаружилось...

Медное зеркало.

Она подняла его и посмотрела в него.

Женщина в зеркале, чуть за тридцать. Изможденное лицо, высокие скулы, потрескавшиеся губы. Но взгляд...

— Этот взгляд, — тихо произнесла она.

Голос хриплый. Не её голос. Но интонация её.

— Всё еще мой.

Лу Синвань с тетрадями в руках вернулась в боковую комнату.

Она села за стол и снова всмотрелась в имя на титульном листе. Шэнь Роюй. Три иероглифа.

Её мама попала в прошлое. Перенеслась в мир тридцать девять лет назад.

Тридцать девять лет.

Это значило — если в момент перемещения тридцать девять лет назад маме было за тридцать, то сейчас ей должно быть... семьдесят?

Семьдесят.

В конце династии Мин. Семьдесят лет старухе.

Жива ли она еще?

Эта мысль полоснула по сердцу, как ножом.

Она приняла решение: сначала разобраться с делами в Гуйдэ-фу. Город нельзя сдать. Людей нельзя бросать на погибель. Как только положение в городе стабилизируется, она отправится на поиски мамы.

Как далеко префектура Тайпин от Гуйдэ-фу?

Она не знала. Но сколько бы ни было дороги, она доберется.

Тридцать девять лет назад. Префектура Тайпин.

Шэнь Роюй потребовалось три дня, чтобы разобраться в своем положении.

В первый день она не делала ничего. Она сидела в доме и наблюдала. Соседи заглядывали дважды: в первый раз — с визитом сочувствия, на деле же высматривая, не осталось ли у неё чего ценного. Во второй раз — «предложить помощь», а на поверку — прощупать почву, не собирается ли она выходить замуж повторно.

Она отказала всем.

На второй день она занялась ревизией ресурсов.

Инструменты горшечника. Небольшой мешок риса — хватит дней на семь. Пара рубах. Ни единой медной монеты.

Печь, оставшаяся от мужа, находилась за домом. Она присела на корточки и внимательно всё осмотрела: печь небольшая, пригодная для обжига мелкой керамики. Но в конструкции обнаружился явный изъян: слишком узкое поддувало и неверный угол наклона, из-за чего циркуляция воздуха нарушена, и температура в печи не поднималась до нужного уровня.

Обладая её познаниями в физике, эту проблему решить было несложно.

Однако действовать сломя голову она не стала.

На третий день она сделала следующее: начертила на земле в комнате веткой список.

Известные условия:

1. Статус: вдова ремесленника, низшая социальная ступень.
2. Ресурсы: инструменты горшечника + немного глины + недельный запас продовольствия.
3. Навыки: тридцатилетний опыт преподавания физики в старшей школе.
4. Угрозы: евнухи-сборщики налогов, социальная дискриминация, борьба за выживание.
5. Цель: выжить.

Ход вычислений:

Выжить → нужны деньги → нужен продукт → нужно обжигать хорошую керамику

→ нужно усовершенствовать печь → нужно время + помощники.

Вывод: сначала модернизировать печь, затем искать помощника.

Она смотрела на этот список.

Он до боли напоминал физические задачи, которые она проверяла бесчисленное количество раз. Известные условия, ход рассуждений, вывод.

Только вот за ошибку в этой задачке снижали оценку не баллами — за неё расплачивались жизнью.

На четвертый день раздался стук в дверь.

Она открыла.

На пороге стоял мужчина средних лет с двумя детьми. Мужчине едва перевалило за сорок, немногословный, худой до прозрачности. Двое детей — мальчик и девочка, старшему лет четырнадцать-пятнадцать, младшей около десяти — прятались у него за спиной, испуганно глядя на неё.

— Сноха, — голос мужчины прозвучал хрипло. — Слышал, старшего брата не стало... Я... мне тоже больше некуда идти.

Шэнь Роюй посмотрела на него.

Воспоминания прежней хозяйки подсказали: его звали Тао Цзюцзинь. Младший ученик её мужа. Учились у одного мастера, ремеслом владел неплохо. Но его мастерскую разграбили евнухи-сборщики налогов, жена умерла от болезни, и он скитался по свету с двумя сиротами на руках.

Шэнь Роюй посмотрела на мужчину.

Потом перевела взгляд на детей за его спиной. В глазах мальчика читалось упрямство, в глазах девочки — робость.

В её сердце созрело решение.

— Заходите.

Она отступила в сторону, освобождая проход.

Тао Цзюцзинь провел детей внутрь. Устроив их в уголке, он сразу заметил печь за домом.

— Сноха, а печь эта...

— Умеешь обжигать керамику? — перебила она.

— Умею.

— Тогда знаешь, почему в этой печи не получается хорошая посуда?

Тао Цзюцзинь покачал головой.

Шэнь Роюй присела на корточки. Начертила на земле схему — простенький чертеж гидродинамики. Поддувало, воздушный канал, камера обжига, дымоход. Стрелочками указано направление потоков воздуха.

— Проблема здесь, — она указала на поддувало. — Слишком узкое. Воздух не проходит, огонь не разгорается вовсю. Температура не поднимается, керамика не пропекается до конца.

Тао Цзюцзинь присел рядом и вгляделся.

Чертеж он не понял. Но понял взгляд Шэнь Роюй — это был взгляд человека, который точно знает, как всё исправить.

— Как переделать? — спросил он.

Шэнь Роюй поднялась на ноги.

— Расширить поддувало вдвое. Угол наклона воздушного канала изменить на пятнадцать градусов вверх. И пробить дымоход в своде печи — большой не нужен, в толщину кулака хватит.

Тао Цзюцзинь задумался. Его ремесленный опыт подсказывал, что такие переделки не слишком сложны, но самому ему и в голову не приходило действовать так.

— Сработает?

— Попробуем.

Прошло еще два дня.

Лу Синвань перерыла старые вещи, оставленные Цинь Ху, вверх дном. Пять тетрадок, несколько старых кирпичей, какие-то бумаги. Она искала — хотя сама толком не знала что. Быть может, новые зацепки о маме. Быть может...

Её пальцы нащупали что-то внизу.

На самом дне старого сундука лежала тетрадь. Гораздо толще остальных пяти. Толще по меньшей мере раза в три.

Она вытащила её.

Три иероглифа на обложке.

Строгий уставной почерк кайшу. Каждая черта полна силы, продавливающая бумагу насквозь.

«Новые очерки исследования вещей».

Она открыла первую страницу.

Эту книгу я посвящаю тем, кому она может пригодиться в будущем.

Девять иероглифов. Она уже видела их в той тетрадке из пятнадцатой главы. Но то была лишь выписка — одна-единственная фраза.

Сейчас перед ней было полное издание.

Следом за первой страницей шло оглавление. Аккуратно выписанное черной тушью:

Оглавление Новых очерков исследования вещей

Том первый · Сила — рычаги, блоки, три закона механики.

Том второй · Тепло — температура, теплопередача, устройство печей.

Том третий · Свет — преломление, отражение, теория линз.

Том четвертый · Звук — резонанс, проводимость, эхо.

Том пятый · Числа — числовые ряды, пропорции, основы геометрии.

Том шестой · Превращения — горение, кислоты и щелочи, пути изменений.

Шесть томов.

Пальцы Лу Синвань задрожали.

Она переворачивала страницу за страницей.

Написано на байхуа эпохи Мин. Уникальный слог — не вычурный параллелизм древних текстов, но и не грубость простонародной речи. Словно кто-то перекинул мост между двумя мирами: используя лексику древних, выражал современные концепции.

Том первый, глава первая о силе: Сила — это то, благодаря чему вещи приходят в движение, останавливаются или меняют свою форму. У силы есть три закона...

Три закона Ньютона.

Три закона Ньютона, записанные на классическом китайском языке.

Она продолжила листать.

Том второй о тепле: Тепло — это скопление ци. Передача тепла бывает трех видов: во-первых, непосредственный контакт, во-вторых, конвекция текучих сред, в-третьих, незримое излучение...

Основы термодинамики.

Том третий о свете: Движение света прямолинейно. Встретив воду, он преломляется, встретив зеркало — отражается...

Преломление и отражение света.

Том четвертый о звуке. Том пятый о числах. Том шестой о превращениях.

В каждой главе имелись иллюстрации. Каждая формула сопровождалась подробным выводом. Каждая концепция начиналась с простейших примеров, шаг за шагом подводя к глубоким выводам.

Это был учебник.

Учебник физики, написанный четыреста лет назад.

Она узнала почерк.

Не Цинь Ху — мамин.

Она слишком хорошо знала этот почерк.

Каждый год под Новый год мама непременно сама писала парные новогодние изречения чуньянь. Никаких печатных заготовок, никаких покупок. Сама растирала тушь, сама резала бумагу, сама выводила иероглифы.

Последняя черта иероглифа сила всегда слегка задиралась вверх. Словно человек в самый последний момент вкладывал в неё еще немного усилия.

Четыре точки в нижней части иероглифа тепло — всегда проставлялись с особой силой, словно подчеркивая что-то. Мама говорила: четыре точки в слове тепло — это четыре язычка пламени. Огонь, который пишет учитель физики, должен гореть ярче, чем у других.

Верхняя часть иероглифа свет — всегда писалась очень плотно, будто лучи света собрались вместе в пучок.

Каждая черта была маминой привычкой.

Каждый штрих был знаком ей больше двадцати лет.

Она перевернула на титульный лист.

Там красовалась строчка мелкого текста — та самая, что видела в пятнадцатой главе, но тогда от избытка чувств она разобрала лишь слова «Новые очерки исследования вещей, том первый, записано рукой Шэнь Роюй».

Теперь она прочла всё целиком.

Эту книгу я посвящаю тем, кому она может пригодиться в будущем.

Ниже шла еще одна строчка. Еще мельче, с еще большим нажимом.

Законы из этой книги восходят к гипотезе геомагнетизма господина Лу Юаньчжэня. Хоть мой муж и ушел, его учение пребудет вечно.

И самая последняя строка:

Записано рукой Шэнь Роюй, весна тридцать пятого года Ванли.

Лу Юаньчжэн.

Имя отца.

Лу Юаньчжэн.

Отец.

Лу Синвань уставилась на эту строку на титульном листе.

В голове образовалась абсолютная пустота.

Не та пустота, когда от шока не можешь соображать. А та, когда все мысли бросаются вперед одновременно, сталкиваются, толпятся, и в итоге протиснуться не может ни одна.

Имя отца.

Мама вписала его в книгу четырехвековой давности.

Воспоминания.

Наши дни. 2009 год.

Первый год после смерти отца.

Лу Синвань было пятнадцать. Первый класс старшей школы.

То было воскресенье. Вернувшись со школы домой, она увидела маму, сидевшую за столом в гостиной и проверяющую тетради. На столе громоздились стопки физических тестов двух классов. Мама в очках для чтения быстро чертила красной ручкой галочки и крестики на листах.

Лу Синвань бросила ранец.

Она немного постояла у входа. Глядя на мамину спину.

Эта спина — сколько она себя помнила, она не менялась никогда. Вечно сидит за столом. Вечно проверяет работы. Вечно повернута спиной к двери.

Она задала вопрос.

Вопрос, который долго носила в себе.

— Мам.

Шэнь Роюй не подняла головы. — Мм.

— Ты никогда не вспоминаешь папу?

Красная ручка замерла на секунду.

Всего на одну секунду.

И продолжила чертить.

— Какой толк его вспоминать?

Пять слов. Произнесенные легко и небрежно. Словно она рассуждала о погоде за окном.

Лу Синвань заплакала.

Стоя у порога, она роняла слезинки одну за другой.

Шэнь Роюй по-прежнему не поднимала головы.

— Чего ревешь? Иди садись за уроки.

Лу Синвань повернулась и убежала в свою комнату. Захлопнула дверь. Зарылась лицом в подушку и прорыдала весь вечер.

С того самого дня ей казалось, что мама не любила папу.

Ей казалось, что у мамы нет сердца.

Папа умер. А мама не проронила ни единой слезинки. Не произнесла ни слова тоски. Даже его

фотографии убрала в шкаф — не поставила на стол, а спрятала в темный шкаф.

Она считала маму бессердечной.

Она думала, что мама любит только свою физику. Только своих учеников. Только свои формулы.

А папу не любит.

И её тоже не любит.

Возвращение в реальность.

Чунчжэнь 14-й год. Гуйдэ-фу.

Лу Синвань смотрела на надпись на титульном листе.

Законы из этой книги восходят к гипотезе геомагнетизма господина Лу Юаньчжэня. Хоть мой муж и ушел, его учение пребудет вечно.

Она вчитывалась в каждое слово.

Мой муж.

Хотя ушел.

Его учение пребудет вечно.

Его знания будут жить вечно.

Мама вписала имя отца в книгу.

В книгу, которую, возможно, никто и никогда не прочтет.

В эпоху, где никто их не знал.

В мир, где даже её собственный ребенок понятия не имел, где она находится.

Она вправила его имя — Лу Юаньчжэн — в самую ткань знаний.

Не записала в дневник. Не высекла на могильном камне. Не затаила в глубине души.

Она вписала его на титульный лист учебника по физике.

Законы из этой книги восходят к гипотезе геомагнетизма господина Лу Юаньчжэня.

Это означало: истоком всех знаний в этой книге являются исследования Лу Юаньчжэня.

Это означало: всё, чему я учу этот мир, пришло от него.

Это означало: он не исчез. Он живет в этой книге. Живет в головах каждого, кто прочтет её.

Лу Синвань наконец всё поняла.

Мама не то чтобы не любила папу.

Она просто не умела об этом говорить.

Она не умела говорить я скучаю по тебе. Не умела говорить мне так больно. Не плакала перед дочерью. Не ставила фотографию на стол, чтобы целыми днями тоскливо вглядываться в нее.

Она была неспособна на такие поступки.

Но она сделала то, на что способен лишь настоящий учитель физики —

Она превратила имя своего мужа в часть формул.

Она спрятала тоску по нему на страницах книги, которую, возможно, никто никогда не откроет.

Она выбрала самый неуклюжий, самый далекий от выражения чувств способ.

Но, пожалуй...

И самый глубокий.

Сжав книгу в объятиях, Синвань опустилась на пол и зарыдала.

Не всхлипывая украдкой. Беззвучно не плача.

Это был вой отчаяния.

Впервые за всё время после перемещения.

Уткнувшись лицом в страницы, она дрожала всем телом. Слезы увлажняли пожелтевшую бумагу — испугавшись, она тут же приподнялась и принялась стирать их рукавом, боясь испортить мамин почерк.

Но, вытирая слезы, она снова начинала плакать.

Она оплакивала вовсе не горе.

Она плакала оттого, что пятнадцать лет заблуждалась на счет мамы.

Пятнадцать лет.

С пятнадцати до тридцати лет. Она неизменно думала, что мама не любит папу. Считала маму холодной. Была уверена, что для неё физика важнее семьи.

Но теперь она знала правду.

Мама любила.

Просто не умела этого выразить.

Она потратила всю жизнь на то, чтобы перевести фразу я люблю тебя на язык физики.

Законы из этой книги восходят к гипотезе геомагнетизма господина Лу Юаньчжэня.

Вот оно — её я люблю тебя.

Вот они — её слова я скучаю.

Вот её заветное:

Я не забыла тебя.

Цинь Ху услышал плач из-за двери.

Он толкнул створку и вошел.

Он увидел девушку, обычно невозмутимую, словно кусок железа, сидящую на полу, прижимающую к груди старую книгу и рыдающую, как ребенок.

Он замер на пороге.

Потерянный и беспомощный.

Ему хотелось что-то сказать. Но стоило приоткрыть рот, как слова пропадали. Больше всего на свете он боялся двух вещей — плачущих женщин и плачущих военачальников. Теперь же первая категория сидела прямо перед ним, и он совершенно не представлял, что предпринять.

В конце концов он совершил один поступок.

Снял с гвоздя у двери верхнюю одежду, подошел и неуклюже набросил ей на плечи.

Затем развернулся и вышел.

Тихо притворив за собой дверь.

Спустя долгое время.

Может, прошел час. А может, и два.

Лу Синвань утерла слёзы.

Глаза покраснели и опухли. В носу першило. Рукав намок от влаги.

Но руки больше не дрожали.

Она вновь открыла «Новые очерки исследования вещей».

С самой первой страницы.

На сей раз она читала не просто старинный фолиант.

Она читала письмо, написанное мамой лично для неё.

Письмо, перешагнувшее через тридцать девять лет.

Она собиралась прочесть его от корки до корки.

Каждый иероглиф.

На следующий день Синвань с покрасневшими глазами вошла в военный совет — на деле обычную боковую комнату семьи Су.

Она прижимала к груди книгу.

<http://bllate.org/book/21208/2146543>